

ПРОНОМИНАФОБИЯ (НЕЛЮБОВЬ К МЕСТОИМЕНИЯМ) И ЛЕКСИЧЕСКИЕ ПОВТОРЫ²

Аннотация. В статье рассматриваются случаи, когда говорящий при повторной номинации предмета предпочитает использовать его лексическое обозначение, а не замену личным местоимением 3-го лица. Такой лексический повтор представляет собой нарушение правил лингвистики текста (субституции и анафоры), но он может быть мотивирован эстетической сверхзадачей. В поэтических текстах к числу дискурсивных факторов прибавляются требования ритмики (размера). Для некоторых поэтов лексический повтор становится текстообразующим приемом. В целом феномен прономинафобии (избегания личных местоимений 3-го лица) обуславливается рядом факторов.

Ключевые слова: анафора, субституция, личное местоимение 3-го лица, лексический повтор, русская поэзия

Говорящий иногда бывает вынужден, в соответствии со своими коммуникативными целями, повторить слово в рамках одной реплики. Такой повтор может быть обусловлен выбранной конструкцией. Если говорить о повторе существительного, то имеются в виду прежде всего фразеологизмы или паремии в классическом понимании этих терминов (*Рука руку моет, От добра добра не ищут; Бездна бездну призывает...*) или синтаксические фраземы (*Награда есть награда; Есть компромиссы и компромиссы; Всем пирогам пирог*).

Нередко повторяемое слово, сохраняя свое лексическое значение, относится в реальности к другому референту, т.е. мы

² Исследование выполнено при поддержке Немецкого научно-исследовательского сообщества (DFG), Научный центр «Русскоязычная поэзия в транзите»; Трирский университет, Германия, FOR 2603.

имеем дело с речевой омонимией: X_1 vs. X_2 (*Справедливость спорила со справедливостью* ‘одна справедливость спорила с другой справедливостью’; *Чиновники пересели из кресел в кресла* ‘чиновники пересели из одних кресел в другие кресла’, *идушие из ада в ад* ‘идушие из одного ада в другой ад’ и т.п.).

Повтор существительного мотивирован также в высказываниях с именными предикатами – при глаголах типа *быть, стать, казаться, проснуться, сделать, превратить, назвать* и т.п. Два примера из художественной литературы:

Толмачу этим тунгусским утром выпадает проснуться *толмачом* в однокомнатной квартире напротив кладбища (М. Шишкин. Венерин волос).

Утром очнулся и *землю землею* назвал,

Зною подставил еще неокрепшую грудь

(А. Тарковский. Приазовье).

Текст, понимаемый как целостная структура, должен быть когерентным – тематически и прагматически связным, а разнообразные языковые средства – такие, как местоимения, союзы, порядок слов и т.д. – обеспечивают реализацию этой целостности (когезию, или сцепление). Участвует среди этих средств и повтор лексемы, необходимый в информационном плане: для того, чтобы сообщить нечто «новое», говорящий должен оттолкнуться от «старого». И вообще итерация (повторение) – один из основополагающих принципов в композиционно-смысловой организации текста: он действует на всех его уровнях, но наиболее ощутим на тех, которые непосредственно связаны со смыслом.

Повтор лексемы, как известно, может использоваться также как сильное стилистическое средство, эмфатически выделяющее какой-то элемент ситуации, концентрирующее внимание на его роли и свойствах. На повторах основываются многие риторические фигуры – такие как анафора, эпифора, хиазм, симплова, анадиплосис и др. Не случайно сегодня и школьных педагогов предостерегают от того, чтобы автоматически считать лексический повтор в тексте речевой ошибкой: он может быть мотивирован авторской интенцией [Мозгалова 2007].

Говоря об объективных предпосылках повтора лексемы на ограниченном объеме текста, нельзя еще не упомянуть о таком психологически важном явлении, как номинационная инерция в речевой деятельности говорящего. Выбранное слово еще какое-то время сохраняет свою индукционную активность в кратковременной памяти и «вмешивается» в ход речепорождения [Норман 2013: 231-233]. Результатом могут быть неоднократно отмечавшиеся обмолвки и описки. Австрийский психолог Ф. Кайнц приводил соответствующие примеры в ряду наиболее типичных примеров случаев речевых «сбоев» [Kainz 1967: 398-450].

Однако общее правило лингвистики текста гласит: повторяемое имя должно быть заменено в высказывании личным местоимением 3-го лица – это элементарное требование грамматической логики. С одной стороны, местоимение, заменяющее полнозначную лексему, предотвращает ненужную, неинформативную тавтологию – это его регулярная субституционная роль. С другой стороны, оно отсылает к уже «пройденной» части текста, обеспечивая связность последнего – это его анафорическая функция. Именно в субституции и анафоре мы видим важнейшее предназначение личных местоимений, а компактность и семантическая обобщенность («на полпути от лексики к грамматике») дополняют их коммуникативную специфику.

В свое время Л. Блумфилд писал, что если посетитель на рынке на предложение «Не хотите ли превосходных спелых дынь?» ответит: «Сколько стоят дыни?» (вместо «А почему они?»), то «этот ответ, вероятно, повлечет за собой задержку реакции или неправильную реакцию («непонимание»)» [Блумфилд 1968: 273]. Несоблюдение правила анафорической отсылки помешает развитию диалога.

По сути, субституция и анафора – это общепринятые механизмы речи, элементы речевой техники. Тем не менее, встречаются случаи, когда говорящий нарушает эти правила не по небрежности, а с очевидностью преследуя какие-то свои особые цели. В таком случае избегание личных местоимений становится уже приемом.

Покажем это вначале на примере отрывков из произведений сербского и хорватского писателя (живущего в Берлине) Боря Чосича (перевод В. Соколова). В его знаменитой повести «Роль моей семьи в мировой революции», изданной на многих языках мира, читаем, в частности:

Отец выбросил раскаленный утюг в окно. Отец открыл бутылку пива домашнего производства, пробка вылетела вверх, отец сказал: «Вот это да!» Отец сказал: «Пошли на учения пожарников!»

Мама вновь принялась страдать от осенней печали. Сначала мама подолгу молчала, потом начинала рыдать. Мама каждую новость сообщала так, будто где-то что-то горит. Мама описывала происшествия, свои сны и так далее...

Пришел теткин брат, стали его кормить. Брат рос с огромной скоростью, на брате все трещало. Из нескольких моих старых брюк ему сделали одни, временные. Тетка выставила брата на конкурс, проводимый журналом «Стража на Ядрани», на самого толстого ребенка в Югославии. Брат занял второе место...

Я делал с помощью бумаги макет нашего района со всеми домами, в том числе и разрушенными. Я сопровождал на пианино товарищу Драгице, которая исполняла русский народный танец, свадебный. Я с помощью ручного пульверизатора, наполненного красными чернилами, написал лозунг «Жизнь прекрасна!» Я играл второго партизана в скетче «Два партизана»...

В последнем случае говорящий именуется с помощью личного местоимения 1-го лица (а, собственно, другой возможности у него и нет), но навязчивое повторение этого *я* в купе с синтаксическим параллелизмом фраз создает особый эффект. Он, в принципе, напоминает синдром семантической афазии, когда человек пользуется в своей речи только простыми высказываниями, а логико-грамматические связи (причинно-следственные, пространственные, временные и т.п.) ему оказываются недоступны.

Очевидно, что за подобной лексико-грамматической структурой стоят определенные эстетические сверхзадачи. Повествование становится фрагментарным и «рассыпчатым»: текст пре-

вращается в набор высказываний. Несоблюдение элементарной техники обращает на себя внимание читателя, заставляет его и в дальнейшем ожидать последовательного применения этого приема.

В то же время можно считать, что таким образом делается попытка отразить особенности мировосприятия говорящего. В частности, персонажу Чосича, от лица которого ведется повествование, лет 10-12, и каждое событие в его жизни значимо и самостоятельно. Причинно-следственные, уступительные, присоединительные и прочие связи в его сознании еще не оформились в должной мере.

Намеренный лексический повтор может иметь и иную мотивировку. Обозначение референта с помощью личного местоимения автоматически переводит его в разряд темы, известной части сообщения. Однако если говорящий по-прежнему акцентирует внимание на референте, он может в эмфатических целях воспользоваться повтором лексической номинации, подчеркивая ее рематический характер. Примеры из русской художественной литературы:

Даже *голуби* были озадачены этим пестрым громом. Даже *голуби* избегали дом. А о квартирантах и говорить нечего (Л. Касиль. Конduit и Швамбрания; ср. возможное: *даже они избегали дом*).

Селедку он любит до сих пор. И аккуратно обсасывает *хвосты*, держа их *за хвост*. Фу, какой позор! (Э. Лимонов. ...У нас была великая эпоха; ср. *держит рыбу за хвост* и т.п.).

Идея России не где-то в мозгу,
не в области некой духовной –
а здесь, на виду, в неоглядной глуши,
в опасном соседстве *с душою*,
не ведающей, где границы *души*,
где собственное, где – чужое
(В. Кривулин. Идея России).

Двоятся и пляшут, и скачут *со стен*
зеленые цифры, пульсируют *стены*.
С размаху и сразу мутируют гены,

бессмысленно хлопая, как автоген

(А. Еременко. Двоятся и пляшут...).

Принципиально асимметричная природа языкового знака, способность формы «сползать» по отношению к значению (и наоборот) позволяет видеть в некоторых случаях не лексический повтор как таковой, а только его имитацию (подробнее об этом см.: [Норман 2017: 42-44]). Это значит, что за сходной формой стоят разные лексико-семантические варианты слова или вообще слова-омонимы, ср.:

Эфрос жил *театром*, жил *в театре*. Даже свой кабинет перенес в репетиционный зал, подальше от администрации... (Е. Стеблов. Против кого дружите? В первом случае *театр* – ‘театральное искусство’, во втором – ‘театральное здание’).

С стенных газет *вопрос* карельский

Глядел и вызывал *вопрос*

В больших глазах больных берез

(Б. Пастернак. Высокая болезнь; в первом случае *вопрос* – ‘дело, ситуация’; во втором – ‘недоумение’).

Пусть нечем чай подсластить,

Отныне не *в сладости сладость*...

(А. Межиров. Поздние стихи; в первом случае *сладость* – ‘ощущение сладкого вкуса’; во втором – ‘удовольствие’).

В лунном свете, сживая *со свету*,

мчит железнодорожный состав

(Ф. Чечик. Если по прямой; в первом случае *свет* – ‘освещение’; во втором – ‘мир’).

Известно, что стилистически «смягчить» лексический повтор говорящий может с помощью частицы *же*, да еще в комбинации с указательным местоимением или наречием (*тот же, такой же, там же, так же* и т.п.) – эта идентифицирующая функция частицы еще недостаточно описана в научной литературе. Однако заметим, во-первых, что употребление этой частицы не обязательно приводит к элиминации полнозначного слова, см. пример:

– *Пистолеты* той эпохи. Системы знаменитого оружейника Лепажя. Пушкин знал и любил хорошее оружие. У него были

такие же пистолеты... (С. Довлатов. Заповедник; ср. возможное: *у него были такие же*).

А, во-вторых, говорящий иногда сознательно избегает употребления «смягчающей» частицы – по-видимому, с указанной уже целью сохранения логического ударения на полнозначной лексеме (не обязательно существительном).

– Сам виноват, что пришлось прятаться... – сказала она и *машинально* поправила юбку, *машинально* заметив, что пассажир, появившийся в углу, – молодой человек в очках, – смотрит на голый шелк ее ног (В. Набоков. Король, дама, валет; ср. возможное: *так же машинально заметив, что...* или *машинально же заметив, что...*).

Уже по приведенным выше цитатам заметно, что особую роль играет тавтологическое употребление лексемы в поэтических текстах. Не случайно появляются исследования, посвященные функциям повторов в творчестве отдельных поэтов (см., например: Метлякова 2001; Ковтунова 2006; Минакова 2012 и др.). Здесь повторяющееся слово или целое выражение если и не приобретает характер ключевого, то, во всяком случае, «тянет на себя» лоскутное одеяло смысла. Несколько новых примеров:

В моих садах – цветы, в твоих – *печаль*.

Приди ко мне, прекрасною *печалью*

Заворожи, как дымчатой вуалью,

Моих садов мучительную даль

(Н. Гумилев. «В моих садах – цветы...»).

Сколько я поговорок

Сложил *в коробок лубяной*,

Чтобы шарили дети

В моем лубяном коробке...

(А. Тарковский. Сверчок).

Стой тихонько, не двигайся, жди.

Потерпи, я приду за тобою..

О, как *поле* блестит впереди

С огибающей *поле* тропею!

(А. Кушнер. Сам себе говорю: не мешай).

Если у *дерева* тень зацветет, то засохнет
дерево тут же, а тень уподобится язве,
почву бесплодием отравит и даже не охнет –
сделает смерть откровенной убийцей

(И. Жданов. Ревность).

...Какие бы нас миновали *прекрасные муки*,
И только *прекрасные муки* глядели б с чела...

(Б. Окуджава. Я вновь повстречался с надеждой...).

Послушай ночь. Опять гремят подковы,
И курс *вдовы* читают детям *вдовы*...
И ставят двойки тем, кто не убит

(М. Шелехов. Ангел уличный).

Я увидел – двое лежат в лощине
на рыхлой *тине в тине*,
лопатки сильные у мужчины,
у нее – коралловые ступни...

(А. Парщиков. Замлетрясение в бухте Цэ).

Иду-бреду обутый *в глину*,
мальчишка, выросший *из глины*,
и узнают меня *осины*
как переходящую *осину*

(Ю. Казарин. Иду-бреду обутый в глину...).

И пока бы паркет в Абзацах сверкал,
зеркала, не слишком, но рококо,
отражали бы *окна*, и в каждом *окне*,
а вернее, в зеркальном отражении *окна*
над застылой рекой поднимался бы пар...

(Лев Лосев. Роман).

Поэт как бы вообще забывает о личных местоимениях с их субституционной и анафорической функциями: он живет в мире называемых по имени реалий. И его ничуть не смущает возвращение к уже «пройденной» лексеме; скорее наоборот, оно таит в себе элемент игры с читателем. Для известного «метаметафориста» Александра Еременко лексический повтор в пределах фразы становится текстообразующим приемом. Приведем несколько примеров.

Сегодня я задумчив, как *буфет*,
и вынимаю мысли *из буфета*,
как длинные тяжелые *конфеты*
из дорогой коробки *для конфет*.

На раскладушке засыпает *Фет*,
и тень его, косящая *от Фета*,
сливаясь с тенью моего буфета,
дает простой отчетливый эффект
(«Невенок сонетов»).

Здесь все рассчитано на десять тысяч *лет*,
и длится электрическое *лето*
над рыбьим жиром тусклого *паркета*,
чтоб мы не наступили *на паркет*.

Нас будут заворачивать *в пакет*,
чтоб ноги не торчали *из пакета*,
согласно положений этикета...
(«Невенок сонетов»).

И, кнопкой канцелярскою пришпилен
к осенней ветке книзу *головой*,
висит и размышляет *головой*,
зачем в него с такой ужасной силой
вмонтирован бинокль *полевой*
(«Невенок сонетов»).

Я сидел *на горе*, нарисованной там, где *гора*.
У меня под ногой (когда плюну – на них попаду)
шли толпой бегуны в непролазном и синем аду...
(«Я сидел на горе...»).

Потусторонний взгляд. Им обладал *Эйништейн*.
Хотя, конечно, в чем достоинство *Эйништейна*?
Он, как пустой стакан, перевернул *кронштейн*,
Ничуть не изменив конструкции *кронштейна*
(«К вопросу о длине взгляда»).

Вкупе с некоторым косноязычием (*тень, косящая от Фета; согласно положений; размышлять головой*) лексические повторы могут навести на мысль о речевой небрежности, невнимательности автора. Но это – кажущееся впечатление. На деле перед нами – выверенный прием и авторская «метка».

Для стихотворений А. Еременко случаи лексических повторов и прономинафобии характерны, бросаются в глаза. У других поэтов они встречаются с меньшей регулярностью. Конечно, в поэзии действуют дополнительные, особые факторы создания текста: стихотворный размер, рифма, анафония... В конце концов, немотивированный лексический повтор там может быть вызван просто требованиями ритмики. Но и в этом случае он обращает на себя внимание. Нарушение принципа связности текста (несоблюдение правил субституции и анафоры) должно компенсироваться эстетической сверхзадачей.

Характерно, что в рассмотренных случаях писатель или поэт отказывается не только от стандартной (предусмотренной законами построения текста) замены имени местоимением 3-го лица, но и от применения лексических субститутов (синонимов, гиперонимов и т.п.). Очевидно, он видит особый смысл именно в повторе уже использованного слова (хотя думается, что степень осознанности данного приема невелика и зависит от разных условий, в том числе от творческой манеры автора). Естественно, между лексической итерацией и «прономинафобией» – обратная зависимость: чем больше в тексте именных повторов,

тем меньше необходимости в местоимениях 3-го лица с их анафорической и субституционной ролью.

Таким образом, в описанном материале мы имеем дело с систематическим сознательным отказом от использования личных местоимений в их типичной функции и, тем самым, с нарушением основополагающего принципа когезии. Каждое высказывание в таком случае представляется как информационно самодостаточное и изолированное. Можно было бы сказать, что языковые единицы тут предпочитают речевым, что речи в строгом смысле слова здесь нет. Однако не следует забывать, что лексический повтор тоже по-своему работает на целостность текста, на его когерентность: повторяющиеся слова («лексическая когезия») выступают в качестве своего рода скреп, и довольно наглядных. Подтверждается отчетливо высказанная М.Л. Макаровым мысль о том, что когерентность шире когезии: «Когерентность шире когезии, она охватывает не только формально-грамматические аспекты высказываний, но и семантико-прагматические (тематические и функциональные в том числе) аспекты смысловой и деятельностной (интерактивной) связности дискурса» [Макаров 2003: 194].

Но главное – мы видим, что случаи прономинафобии в речи говорящего сталкиваются с ожиданиями слушающего, который настроен на восприятие привычного для него связного текста, с использованием личных местоимений. Это не всегда и не сразу замечается адресатом, но может накапливать психологическое напряжение и породить эстетический эффект. Среди известных принципов коммуникации П. Грайса есть два взаимосвязанных постулата: Постулат Количества («Не сообщай больше информации, чем требуется») и Постулат Способа («Будь краток; избегай ненужного многословия»). Повтор номинации, разумеется, снижает информационную ценность текста. Однако если слушающий убежден в достаточной языковой компетенции говорящего, то он вынужден «предполагать наличие какой-то особой цели, особого смысла в передаче этой лишней информации» [Грайс 1985: 222]. В нашем случае дело обстоит именно так. Преднамеренное насыщение текста одной и той же лексемой

оправдано как особыми дискурсивными условиями, так и расчетом на получение дополнительного эстетического эффекта.

Литература

- Блумфилд Л.* Язык. М.: Прогресс, 1968.
- Грайс П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. - М., 1985.
- Ковтунова И. И.* Функции композиционных повторов в стихах А. Блока // Художественный текст как динамическая система. Материалы Международной научной конференции, посвященной 80-летию В.П. Григорьева. – М., 2006.
- Макаров М.* Основы теории дискурса. – М., 2003.
- Метлякова Е. В.* Лексический повтор как семантико-стилистическая категория организации лирического текста в раннем творчестве Анны Ахматовой. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Ижевск, 2001.
- Минакова А. А.* Типы и функции повторов в поэтических текстах Евгения Евтушенко. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – Майкоп. 2012.
- Мозгалова Н. В.* Лексический повтор: всегда ли это речевая ошибка? // Русский язык. 2007, № 9.
- Норман Б. Ю.* Лексический повтор как дискурсивная тактика // Лингвистика креатива. Коллективная монография. 2-е изд. / Отв. ред. Т.А. Гридина. – Екатеринбург, 2013..
- Норман Б. Ю.* Выбор формы или выбор смысла? (К развитию коммуникативной стратегии в ходе речевого акта) // Язык, Текст. Дискурс. Научный альманах. Вып. 15. – Ставрополь, 2017.
- Kainz F.* Psychologie der Sprache. Vierter Band. Spezielle Sprachpsychologie. – Stuttgart, 1967.

©Норман Б. Ю., 2019